

Н.В.АБАБИНА
(Одесса)

О ПЕРЕХОДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СИНЕРГЕТИКИ (обзор)

Конец 70-х – 80-е годы XX века, благодаря научным изысканиям бельгийского физика и философа, лауреата Нобелевской премии Ильи Романовича Пригожина, в нашей стране стали временем, которое ознаменовалось оформлением понятия «синергетика» (от древнегреч. «*вместедействие*») и разработкой теории нелинейных, утрачивших постоянство процессов. Как оказалось, выводы ученого можно использовать, описывая периоды переходности в литературе. Поскольку понятия «кризис», «хаос» и «переходность» оказались особенно актуальными для нас, переживающих слом исторической, философской и художественно-эстетической традиции, то синергетическая парадигма Пригожина вошла и мир литературоведения. Сказанное определяет *актуальность* данной статьи и формулирует ее *задачу*, состоящую в попытке систематизировать накопленный материал и обозначить перспективные направления анализа художественных текстов, подверженных синдрому «переходности». Это касается и литературного процесса рубежа XIX – XX веков.

Термин «синергетика» в научный обиход ввел Г. Хакен (это неоднократно подтверждал и Пригожин). В его истолковании синергетика – понятие, выражающее совместную деятельность, общую энергию [14]. Уже благодаря Хакену стало очевидным, что в контексте явления нестабильности со всей очевидностью демонстрирует себя *время* в его извечном и циклическом движении и что «*кризис идей*» с его «*переразложением энергии*» столь же продуктивен, сколь продуктивно и постоянство (стабильность) [9].

Сам Пригожин и его соавтор Изабелла Стенгерс в работе «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» (1986) показали, что «синергетика» – это целый комплекс процессов, происходящих в системе, которая характеризуется «динамическим хаосом» и «самоорганизацией элементов» [9]. Названные ученые и их последователи сумели доказать, что проявления «кризиса» столь же периодичны, сколь и проявления стабильности. Если так, то в общем процессе

циклического развития вселенной время постоянно повторяющихся «кризисов» можно воспринимать предельно конструктивным. По-видимому, говорят исследователи, периоды хаоса, следующие за кризисом, предполагают переразложение той энергии, которая необходима для нового прогрессивного рывка созидания. Можно считать поэтому, что со словом «крах» всегда связано слово «возрождение».

Синергетика как учение о нестабильности и переходности оперирует понятиями «неустойчивость», «нелинейность», «неравновесность». Если использовать афоризм Пригожина, то синергетика стремится познать «порядок через хаос», которому вполне соответствует понятие «диссипативность». Модель постепенного разупорядочивания компонентов, их перегруппировки и становления нового в его теории выглядит так: «Возможность спонтанного возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации» [9,5]. Отметим, что слова «кризис» и «хаос» в этом контексте лишаются привычного для нас отрицательного значения.

Обращаясь к идеям Пригожина и представителей его школы, современные синергетики пытаются осмыслить возможности применения теории нестабильных систем в различных отраслях научных знаний. Обратим внимание на рассуждения и выводы известного философа и филолога М.С. Кагана. В работе «Синергетическая парадигма – диалектика общего и особенного в методологии познания разных сфер бытия» [6] автор обращается к лингвистике, которая изучает строение, функционирование и развитие языка как сложного системного образования и как средства общения. Если, к примеру, биолог или зоопсихолог, говорит М.С. Каган, изучает «язык животных», то он обнаруживает принципиальное отличие этих форм коммуникации от словесного общения людей. Применительно к животным слово «язык» можно употреблять только в качестве метафоры. Подобный вариант использования понятия «язык» существует и по отношению к поэтической речи, так как поэтика не редуцируема к лингвистике. В то же время, подчеркивает ученый, если данные понятия мы будем только противопоставлять друг другу, то никогда не сумеем понять того, как из коммуникативных средств биологической природы и у животных, и у человека на базе биологически данных «языков» (мимики, жеста, различных невербальных звучаний)

формируется звуковая словесная речь. «Следовательно, чтобы понять «сверхкоммуникативную» сущность словесной речи, равно как «сверхграмматическую» природу речи поэтической, нужно в обоих случаях приводить методологию исследования в соответствии с уровнем сложности изучаемого текста» [6, 33]. То есть изучение пограничных явлений (коммуникация биологическая – коммуникация, рожденная «человеком разумным») должна сопровождаться, говорит ученый, пониманием *подвижных связей*, существующих между ними, а эту возможность как раз и дает синергетика.

Программным для современного восприятия синергетики можно считать заявление, сделанное В.П. Рыжовым. В статье «Информационные аспекты самоорганизации в искусстве» он пишет: «Синергетика представляет в большей степени парадигму, чем теорию. Она является способом мышления о сложных системах и их эволюции. Именно с помощью синергетики построены конструктивные модели самоорганизации физических и биологических систем, эволюции экологических и социальных систем, даны объяснения многих феноменов в естественных и гуманитарных областях» [10,173]. Но одновременно ученый формулирует необходимые условия саморазвития неравновесных систем, которые справедливы для систем неустойчивости любого происхождения. Это: а) открытость данной системы познания; б) ее сложность; в) ее способность демонстрировать нелинейность и видимую непоследовательность происходящего; г) выделять компоненты неустойчивости (бифуркации, фазовые переходы); д) отмечать взаимопереходы хаоса и порядка; е) вычленять механизмы отбора; ж) демонстрировать кооперативность происходящих процессов [10, 173].

Диалогичность как высшее проявление нелинейного сознания отмечает в своей статье «Совместное мышление как искусство: опыт философско-синергетического исследования» (2002) И.А.Герасимова. Она пишет: «Синергетика как междисциплинарная наука о становящемся бытии, синтезирующая гуманитарное и естественнонаучное знание, я уверена, сможет прояснить многие аспекты становящегося мышлебытия, рождения упорядоченных мыслепространств в ходе живого диалога сознаний...» [3, 131]. Фундаментальным принципом диалога является принцип *незамкнутости*, так как для совершения контакта нужна открытость. Поскольку человеку при-

суща подвижность, пластичность мышления и способность к творческому переосмыслению, И.А. Герасимова подчеркивает необходимость выделить и принцип *неустойчивости* мыслительного акта, а следовательно, и диалога. Она же отмечает: без наличия разногласий между говорящими невозможен никакой диалог, поэтому мы смело можем утверждать факт присутствия в нем хаоса бытия [3, 126-142].

Сегодня синергетика поднялась до того уровня, когда можно говорить о строении и функционировании сложных и сверхсложных систем, учитывающих все циклы развития – от кризиса и хаоса до становления, утверждения и расцвета одного из циклов бытия вселенной. Публикации работ С.П. Курдюмова и Е.Н. Князевой, последовавших за публикациями Пригожина и ученых его школы, доказали, что синергетика становится самостоятельной наукой, конкретизирующей положения теории систем, в основе которых лежит эволюция, поступательное развитие жизни и истории. Отрадно, что в последнее время уже проведен ряд интересных опытов по разработке отдельных аспектов социальной синергетики в Петербурге (В.П. Бранский, В.В. Василькова), в Москве (А.П. Назаретян), выпущены сборники статей по данной проблеме. Но, к сожалению, пока в них не ставится конкретно вопрос об особенностях синергетической методологии изучения внеприродных процессов. Что касается общеэстетических и поэтических проблем, связанных с существованием художественных форм, являющихся себя в нестабильное время, то, констатируют синергетики, им также присущи свои оригинальные показатели.

Уже доказано, что представление о соотношении «порядка и хаоса», в терминологии Пригожина, не чуждо гуманитарным наукам. Понятие «порядок – хаос» можно рассматривать как аналогичное понятию «закономерность – случайность», которое неразделимо связано с оппозицией «необходимость – свобода», поскольку субъект деятельности, сообразуясь с собственным «я», выбирает программу своего поведения. Но неоспорим и тот факт, что свобода на каждом этапе развития общества и в зависимости от сферы деятельности человека бывает разной, специфической. На основе права свободного выбора системы ценностей обретается качество личности. Отсюда – роль личности в истории. Таким образом, если говорить о концеп-

ции человека в литературе рубежа XIX – XX вв., то к наблюдениям и выводам, предложенным, например, Л.А. Колобаевой («Концепция личности в русской литературе рубежа XIX – XX вв.» [7]), можно добавить следующее. Неоднозначность личностного «я», многоноликость положительного героя, невнятность его позиции, очевидная конфликтность отношений с людьми, существующая между персонажами, которые претендуют на право называться «героями времени» (например, интеллигент – пролетарий), как раз и объясняется характером времени – неустойчивого и неоднозначного.

Безусловным авторитетом в разработке теории художественного времени-пространства остается М.М. Бахтин («Формы времени и хронотопа в романе»). Его размышления о соотношении автора-повествователя с реально существующим автором заставляют нас постоянно помнить о диалогической природе их взаимоотношений. Но если так, то в контексте нестабильного времени такой диалог оказывается особенно сложным и разнонаправленным по своему смыслу. Принимая как аксиому вывод Бахтина: «...он [автор] смотрит из своей незавершенной современности во всей ее сложности и полноте, причем сам он находится как бы на касательной к изображаемой им действительности» [2, 511-512], отметим и следующее. «Незавершенная современность» автора, работающего над своим произведением в период кризиса и хаоса, оказывается особенно проблематичной. И это – уже потому, что автору не дано осознание даже ближайшей перспективы развития (он находится в состоянии так называемого «коловращения»). Но теория диалога, воспринятая в качестве синергетической парадигмы, может помочь исследователю разобраться и в данной проблеме, другое дело, предупреждает Ю.А. Данилов, – исследователю следует соотносить значение термина «синергетика» с теми смыслами, которые изначально вкладывались его создателем [11, 553].

Попытавшись обобщить уже сделанное, приходим к следующим выводам. Сегодняшняя формула «рубежного сознания» выглядит приблизительно так: *нарушение равновесия (нелинейность, разбалансированность процессов) – самоорганизация материи (или ее саморегулирование) – открытие новой системы*. Внутри этой системы можно выделить: *начальную стадию дисбаланса (кризис)*, затем *наступает время хаотических перемещений (хаос)*, затем следует *пери-*

од непоследовательных и множественных вариантов саморегулирования; потом приходит черед кристаллизации «нового порядка из хаоса» [11; 12; 13].

Теоретические аспекты данной междисциплинарной науки довольно продуктивно используются в современных монографиях, посвященных исследованию произведений нестабильного времени. Так, «*коловращение*» как материализованный показатель не линейного, а циклического развития художественных направлений и форм искусства рассматривается в книге Д.В. Затонского «Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств» (2000). Говоря о закономерности оформления постмодернизма в «после модернистском» пространстве, украинский ученый видит в нем «нелигитивную» реакцию «на новейшие тектонические сдвиги истории» и, одновременно, «нечто органически бытию человеческому сущее» [5, 28]. Колебания, становясь показателем как исторического, так и художественного времени, выражают себя в «сплошном разбросе» – сюжетном, проблемном, стилевом [5, 32], – говорит он. Цитируя Деррида, назвавшего XX век «медитирующим» временем, эпохой «абсолютного саморазрушения без Апокалипсиса, без откровения, без абсолютного знания» [5, 205], Д.В. Затонский настаивает: в такие времена рождаются формы искусства «самим себе равные» и «начисто лишённые поступательного движения» [5, 207]. В данном случае речь может идти только об уникальности форм искусства переходного времени – они существенно корректируют прошлое и выглядят «странными» в своем «настоящем».

Проблему «*хаоса и порядка*» на языковом материале интересно рассматривают и разрешают В.И. Аршинов и Я.И. Свирский. Поставив вопрос об особенностях языкового общения в нестабильное время, они отметили: кризис и переходность сопровождаются удивительным и одновременным сочленением хаоса и порядка – языковая норма еще существует и становится явлением периферийным; а вот отрицательно табуированная лексика вызывает неприятие, но, тем не менее, активно внедряется в язык (в литературный – тоже). Одновременно заявляет о себе никем не прогнозируемая нетерпимость к застывшим формам, запрет на употребление «готовых» понятий и представлений, свою активность в употреблении демонст-

рируют глаголы, побуждающие к действию, а имена собственные начинают существовать в форме «контекста» [1].

О «*самоорганизации процессов*» как важнейшем показателе нестабильного времени и как гаранте будущего постоянства, рассуждает и В.В. Налимов. Ссылаясь на определение самоорганизации как процесса, в ходе которого «воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы», он подчеркивает важность уже существующего вывода: «Процессы самоорганизации могут иметь место только в системах, обладающих высоким уровнем сложности и большим количеством элементов, связи между которыми имеют не жесткий, а вероятностный характер» [14,566]. Именно в периоды нестабильности (переходности), считает ученый, наступает время «*максимума информации*», а также «*информационного ускорения*» [13,159-160]. Понимая ценность данного вывода, можно утверждать: периоды кризиса и хаоса в литературе и – шире – в искусстве могут дать исследователю богатейший материал, способный продемонстрировать множественные направления переориентации. Именно в это время просчитываются перспективы дальнейшей стабилизации и адсорбируются признаки того, чему принадлежит будущее.

Проецируя сказанное синергетиками на литературный материал, изучаемый нами, можно утверждать: только старое представление о последовательно логическом развитии искусств по восходящей, могло дать ощущение катастрофичности кризисных состояний искусства рубежа XIX – XX вв. «Саморегулирование материи» (а в нашем случае «саморегулирование художественно-поэтических систем») в периоды переходности дает возможность наблюдать появление множества вариантов произведений экспериментального характера. В одних явным окажется предпочтение старых норм повествования с элементами вкраплений поэтик только нарождающихся, в других – продемонстрирует себя предпочтение эпатазирующих форм повествования, вектор развития и становления третьих будет демонстрировать склонность конкретного автора к новейшему типу отражения мира. Тот же кризис и следующий за ним хаос «переразложения» и «коловращения» дают возможность наблюдать рождение особых (эстетически весомых и очень значимых) произведений искусства, которые кажутся «странными» только для линейного мыш-

ления. Эпохи кризиса могут одарить мир эклектически совершенными формами, в которых «осколки хаоса» оказываются эстетически высокими и по-своему совершенными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аришинов В.И., Свирский Я.И.* Синергетическое движение в языке // <http://spkurdyumov.narod.ru/Svira12.htm>
2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 511-512
3. *Герасимова И.А.* Совместное мышление как искусство: опыт философско-синергетического исследования // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С.126-142
4. *Дмитриева М.С.* Синергетика в науке и наука языком синергетики: Сборник статей. – Одесса: Астропринт, 2005. – 184 с.
5. *Затонский Д.В.* Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 256 с.
6. *Каган М.С.* Синергетическая парадигма – диалектика общего и особенного в методологии познания разных сфер бытия // Синергетическая парадигма. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 28-49
7. *Колобаева Л.А.* Концепция личности в русской литературе рубежа XIX – XX веков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 174 с.
8. *Пайтген Х.-О., Рихтер П.* Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем. – М.: Мир, 1993. – 176 с.
9. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М: Прогресс, 1986. – 431с.
10. *Рыжов В.П.* Информационные аспекты самоорганизации в искусстве // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С.156-182.
11. Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с.
12. Синергетическая парадигма: Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс. – Традиция, 2000. – 535 с.
13. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 496 с.
14. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 814с.